

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-786-801

EDN: HYKRRS

УДК 811.161.1'23'367.623.1/2

Научная статья / Research article

Ассоциативный эксперимент на материале рейтингов абстрактности/конкретности: сопоставительный аспект

Ю.А. Вольская

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

✉ kovaleva95julia@mail.ru

Аннотация. Важным параметром в исследованиях ассоциативных полей является характеристика слов по признаку конкретности и абстрактности. В предыдущих исследованиях нами был произведен анализ ассоциаций к 100 абстрактным и конкретным стимулам. Ассоциации были отобраны из Русского ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова (далее — РАС), который создавался в период с 1988 года по 1990 год. Отметим, что на данный момент словарь Ю.Н. Караулова является единственным нергиональным ассоциативным тезаурусом русского языка с объемным словником стимулов. Возникает вопрос, изменились ли характер и структура ассоциативных полей более чем за 30 лет? В данной статье сравниваются ассоциации из РАС с ассоциациями, которые были получены в ходе нового эксперимента. В список стимулов вошли те же 100 абстрактных и конкретных слов, на основе которых производился анализ ассоциаций в работе. Описанный эксперимент в настоящей работе позволит выявить, есть ли какие-либо системные изменения в ассоциациях, а также, поскольку в качестве стимулов выступают абстрактные и конкретные субстантивы, проанализировать возможные изменения особенностей восприятия существительных двух лексико-грамматических разрядов. В работе анализируются количественные показатели ассоциаций на основе статистических методов и рассматриваются особенности ассоциаций с точки зрения их семантического наполнения и типа связи со словом-стимулом. Для детального анализа все ассоциации классифицируются на группы, сравнение полученных данных в ходе эксперимента с данными словаря Ю.Н. Караулова осуществляется с опорой на созданную классификацию. Проведенный в работе анализ позволяет выявить ряд важных изменений в структуре ассоциативных рядов, которые указывают не только на развитие новой языковой картины, но и на некоторые трансформации в системе ментального лексикона носителей языка. Также в статье доказывается тенденция к сохранению разницы между ассоциациями к абстрактным и конкретным существительным, что подтверждает теорию доступности контекста в динамике.

Ключевые слова: ассоциации, абстрактные существительные, конкретные существительные

© Вольская Ю.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Благодарности:

Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Вольская Ю.А. Ассоциативный эксперимент на материале рейтингов абстрактности/конкретности: сопоставительный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 786–801. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-786-801>

Associative Experiment on the Material of Abstractness / Concreteness Ratings: a Comparative Aspect

Yuliya A. Volskaya

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

✉ kovaleva95julia@mail.ru

Abstract. An important parameter in the studies of associative fields is the characterization of words by concreteness and Abstractness. In a recently published article we analyzed associations to 100 Abstract and concrete stimuli. The associations were selected from the Russian associative dictionary of Yu.N. Karaulov (hereinafter referred to as RAS), which was created during the period from 1988 to 1990. It should be noted that, at the moment, Yu.N. Karaulov's dictionary is the only non-regional associative thesaurus of the Russian language with a voluminous vocabulary of stimuli. There is a question: has the nature and structure of associative fields changed over more than 30 years? This article compares associations from the Russian Associative Dictionary with associations that were obtained in the new experiment. The list of stimuli included the same 100 Abstract and concrete words on the basis of which association analysis was performed in the work. The experiment described in this work makes it possible determine whether there are any systemic changes in associations, and, since the stimuli are Abstract and concrete substantives, to analyze possible changes in the perception features of nouns which refer to two lexico-grammatical groups. The paper analyzes quantitative indicators of associations on the basis of statistical methods and considers the peculiarities of associations in terms of their semantic content and the type of connection with the word stimulus. For a detailed analysis all associations are classified into groups, the comparison of the data obtained in the experiment with the data of Yu.N. Karaulov's dictionary is carried out on the basis of the created classification. The analysis reveals a number of important changes in the structure of associative series, which indicate not only the development of new linguistic world image, but also some transformations in the system of mental lexicon of native speakers. The article also proves the tendency to preservation of the difference between associations to Abstract and concrete nouns, which confirms the theory of context accessibility in dynamics.

Keywords: association, abstract nouns, concrete nouns

Financing. Acknowledgements:

The work is performed according to the Russian Government Pro-gram of Competitive Growth of Kazan Federal University.

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Volskaya, Y.A. (2024). Associative Experiment on the Material of Abstractness / Concreteness Ratings: a Comparative Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 786–801. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-786-801>

Введение

Ассоциативный эксперимент является одним из эффективных методов психолингвистического исследования. Данный метод используется как с целью всестороннего изучения особенностей языкового сознания, ментального лексикона [1–4], так и с целью изучения лексических и синтаксических особенностей слова [5–7]. Реакции, выявленные в ходе эксперимента, позволяют говорить о том, какой признак анализируемого слова-стимула является наиболее актуальным, а также какой признак является основанием для включения этого слова-стимула в ту или иную систему связей со словом-реакцией [8. С. 10].

В недавно опубликованной статье [1] нами была показана важность абстрактности/конкретности в связи формированием ассоциативных полей [9; 10]. На основе анализа ассоциативных реакций, отобранных из Русского ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова (далее — РАС) [11], к абстрактным и конкретным стимулам из базы данных рейтингов [12] удалось выявить ряд важных особенностей репрезентации абстрактных и конкретных единиц, которые коррелируют с некоторыми положениями теории двойного кодирования [13] и теории доступности контекста [14], а также были описаны и систематизированы семантические особенности существительных указанных лексико-грамматических разрядов.

Отметим, что ассоциации составителями РАС были получены в ходе проведения опросов среди респондентов в возрасте от 17 до 25 лет. Такой возрастной состав испытуемых неслучаен, как указывают авторы словаря: «анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых в эксперименте 1988–1990 гг., исследователь может прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие 20–30 лет, т.е. на период, когда нынешние наши испытуемые будут составлять активное ядро общества» [11. С. 19]. Таким образом, ассоциации, приведенные в РАС, в некоторый степени актуальны и на данный период, но только для определенной возрастной категории людей. Для уточнения данных мы провели дополнительный эксперимент, который полностью повторяет опросы, проведенные при составлении РАС.

В настоящей работе анализируются результаты ассоциативного эксперимента, цель которого состояла в сравнении ассоциативных полей, полученных в ходе опросов среди студентов в 1988–1990 гг. при создании РАС, с ассоциациями, которые были получены в ходе опросов среди студентов в 2022 году. В список стимулов вошли 100 абстрактных и конкретных слов, на основе которых производился анализ ассоциаций в статье [1]. Выбор именно абстрактных и конкретных слов обусловлен важностью изучения данного пласта лексики, использованием их в многочисленных когнитивных, психолингвистических, нейрофизиологических исследованиях [15]. В статье [1] был выявлен ряд отличий между ассоциативными полями к существительным указанных лексико-грамматических разрядов. В связи с этим в настоящей статье сравнение проводится в аспекте сопоставления ассоциаций к абстрактным и конкретным стимулам. Однако в дальнейшем планируется как увеличить количество стимулов, так и расширить пласт лексики, которая войдет в перечень стимулов.

Отметим, что с момента издания словаря-тезауруса ассоциаций Ю.Н. Караулова прошло более четверти века, сменилось целое поколение, существенно изменились социальные условия, идеологические и культурные установки. Таким образом, проведенный нами эксперимент позволит выявить, есть ли какие-либо системные изменения в ассоциациях, а также проанализировать, изменились ли особенности восприятия абстрактных и конкретных слов с момента создания РАС.

Обзор литературы

Термин «ассоциативные нормы» стал широко известным после публикации материалов свободного ассоциативного эксперимента в 1910 году [16]. Исследования ассоциаций в связи с особенностями вербального поведения и познавательных процессов стали проводиться после публикации Миннесотских ассоциативных норм [17]. С начала 1970-х гг. к ассоциативным экспериментам начинают прибегать при исследовании лексической сочетаемости слов, для анализа семантической структуры слова, для межкультурных сопоставлений, для выявления особенностей лексикона [8. С.11]. Как правило, для таких исследований создаются обширные базы данных ассоциаций к словам [18] или же словари ассоциаций, которые составляются на основе массовых экспериментов.

Важным событием в области исследования ассоциативных полей стало создание в 1972 году первого ассоциативного тезауруса на материале английского языка с целью изучения структуры внутреннего лексикона и представления его структуры в виде ассоциативно-вербального графа [19]. В словник стимулов вошло 8400 единиц.

Одним из первых словарей ассоциаций для русского языка стал «Словарь ассоциативных норм русского языка» А.А. Леонтьева [20], который состоял

из 196 слов-стимулов. В период с 1988 года по 1990 год был создан «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю.Н. Караулова [11]. В этом словаре наиболее полно представлена лексика русского языка, словник состоит из 6624 стимулов, число различных ассоциативных реакций составляет более ста тысяч. С точки зрения объема словника словарь принято относить к словарям-тезаурусам. Также в период с 1998–1999 гг. был создан «Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский», который содержит 112 слов-стимулов [21]. Создаются региональные ассоциативные словари [22] и учебные ассоциативные словари [23].

Отметим, что на данный момент словарь Ю.Н. Караулова является единственным нерегиональным ассоциативным тезаурусом русского языка с объемным списком стимулов. Однако появление последующих ассоциативных словарей даже с меньшим списком входных единиц позволяет изучать динамику ассоциаций у носителей русского языка, но на материале ограниченного количества лексики.

Материалы и методы исследования

С целью исследования возможных изменений в ассоциативных полях из РАС нами был проведен ассоциативный эксперимент среди студентов в возрасте 17–25 лет, обучающихся на разных специальностях в Казанском федеральном университете. Методика опроса максимально точно воспроизводила методику опроса, который проводился при создании РАС. Для каждого слова получены ответы не менее 100 респондентов. В опросе участвовали студенты, проживающие на территории Республики Татарстан, а также студенты, которые приехали из других областей Приволжского федерального округа. В эксперименте принимали участие только те студенты, для которых русский язык является родным, первым языком.

Для формирования списка стимулов мы отобрали 100 слов из ранее созданного словаря с рейтингами конкретности/абстрактности [12]. В данную выборку вошли 50 наиболее абстрактных слов и 50 наиболее конкретных. Ассоциации из РАС к этим же единицам анализировались в статье [1]. Отметим, что в РАС именно к этим стимулам также приводилось около 100 реакций.

Опрос проходил в электронной форме, респонденты получили списки из 100 стимулов, расположенных в алфавитном порядке. В опросе предлагалось в течение 10 минут указать к каждой входной единице первое пришедшее на ум слово или словосочетание, т.е. первую ассоциацию.

В ходе анализа полученные реакции сопоставлялись с реакциями из РАС. Всего было отобрано приблизительно 20–25 ассоциаций из каждого источника. Анализ осуществлялся в двух аспектах: во-первых, ассоциации анализировались в целом, рассматривалась разница количественных данных и качественных различий; во-вторых, подробно исследовалась именно разница

между ассоциациями к абстрактным (далее — АС) и конкретным существительным (далее — КС) по данным РАС и по данным проведенного эксперимента. Для детального анализа было отобрано 10 самых частотных ассоциаций из РАС и проведенного опроса. Ассоциации были классифицированы и проанализированы. Мы выделили ассоциации, которые составляют со словом-стимулом синтагматические, парадигматические и тематические связи, также в отдельные группы были выделены слова с эпидигматической связью и фонетически сходные слова. В группу ассоциаций, которые образуют парадигматические отношения со стимулом, вошли следующие подгруппы: 1. Ассоциации-синонимы/контекстные синонимы; 2. Ассоциации-антонимы/контекстные антонимы; 3. Ассоциации-гипонимы/гиперонимы. В группе ассоциаций, которые образуют синтагматические отношения со стимулом, выделены следующие подгруппы: 1. Ассоциации-прилагательные (причастия); 2. Ассоциации-части словосочетаний/устойчивых выражений; 3. Ассоциации-потенциальные части словосочетаний/устойчивых выражений; 4. Вторичные ассоциации потенциального словосочетания; 5. Ассоциации-имена собственные; 6. Ассоциации-оценочные суждения. Эти группы были выделены в ходе анализа ассоциаций из РАС, классификация подробно описана в статье [1. С. 155]. Также в рамках нового эксперимента была обнаружена новая группа — ассоциации-символы и метафорические образы.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе анализа выявляются количественные и качественные различия между ассоциативными полями, которые приводятся в РАС и в рамках проведенного эксперимента, к абстрактным и конкретным словам. В первую очередь, сравнивается общее количество ассоциаций, количество сильных, т.е. частотных, одиночных и разнообразных ассоциаций.

Среднее число ассоциаций на слово в проведенном эксперименте равно 61,4, а в опросе Ю.Н. Караулова — 54,5. При рассмотрении наиболее сильных ассоциатов на каждое слово-стимул было выявлено, что наиболее сильная ассоциация в новом эксперименте стала появляться чаще — 15,0 раз против 12,9 по данным РАС.

При сравнении разнообразных, одиночных и сильных ассоциаций из РАС к абстрактным и конкретным существительным применялся двухвыборочный критерий Стьюдента, поскольку данные имели нормальное распределение. В результате была выявлена статистически значимая разница в количестве ассоциаций указанных типов к АС и КС. Получены следующие данные [1]: во-первых, одиночные и разнообразные ассоциации приводились чаще к абстрактным стимулам [24]; во-вторых, в ассоциативном поле к конкретным стимулам обнаруживаются более сильные ассоциации.

Аналогичные результаты получены и при анализе данных проведенного эксперимента. Одиночные и разнообразные ассоциации также чаще

приводились к абстрактным субстантивам. Поскольку данные по ассоциациям этих групп имеют нормальное распределение, что было проверено на квантильных графиках (рис. 1), для оценки разницы рассматриваемых показателей также был использован двухвыборочный критерий Стьюдента, для разнообразных ассоциаций получаем p -значение $5,92e-10$, для одиночных — p -значение $2,906e-11$.

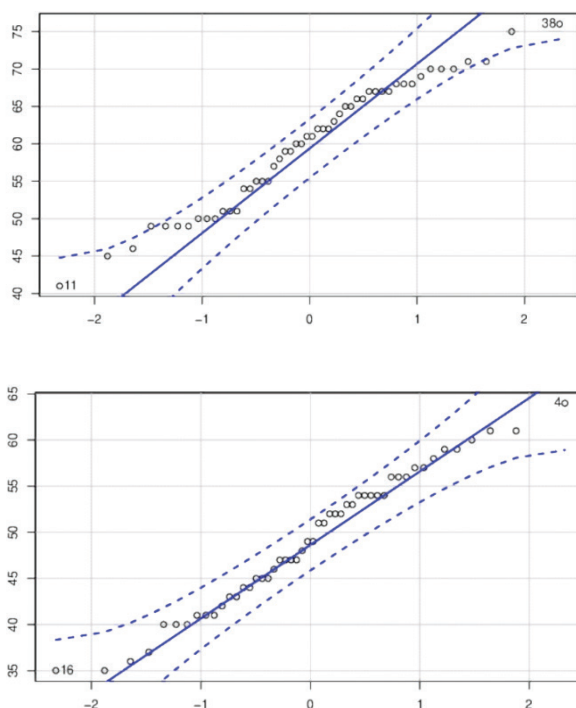

Рис. 1. Квантильные графики количества разнообразных ассоциаций для абстрактных (слева) и конкретных слов (справа)

Источник: составлено Ю.А. Вольской.

Fig. 1. Quantile plots of the numbers of associations for Abstract (left) and concrete (right) words

Source: compiled by the Yuliya A. Volskaya.

Более сильные ассоциации также чаще приводились к конкретным существительным. Однако при анализе на основе двухвыборочного критерия Стьюдента были получены данные, указывающие на статистически незначимую разницу между количеством сильных ассоциаций к АС и КС. Учитывая, что большая часть ассоциаций в обоих опросах относится к одиночным, детально анализировались только по 10 наиболее частотных ассоциаций для каждого слова-стимула. Далее мы будем приводить данные отдельно для абстрактных и конкретных существительных.

Отметим, что при анализе ассоциатов из проведенного опроса была выявлена новая группа — «Ассоциации-символы и метафорические образы». Такие ассоциации приводились к абстрактным единицам в количестве

18, что составляет 3,6% от общего количества реакций к АС, к конкретным лексемам подобные ассоциации приводились только один раз. Приведем несколько примеров. *Удача*: клевер (16); *любовь*: сердце (19); *любопытство*: луна (2); *больница*: красный крест (2). Появление таких ассоциаций интересно рассмотреть в контексте теории концептуальных метафор, в соответствии с которой абстрактные единицы могут определяться по отношению к более конкретным словам с помощью метафор [25; 26].

Рассмотрим самые значительные изменения в ассоциативных полях, которые были зафиксированы в результате проведенного эксперимента (Таблица 1).

Таблица 1 / Table 1

Ассоциации по данным проведенного эксперимента и по данным РАС
Associations according to the experiment and according to RAD data

	Ассоциации-прилагательные / Association adjectives	Ассоциации-части словосочетаний / Associations — parts of phrases	Ассоциации-синонимы / Synonymous associations	Ассоциации-потенциальные части словосочетаний / Associations — potential parts of phrases	Ассоциации-части фрейма, тематической группы / Associations are parts of a frame, a thematic group
Данные нового эксперимента / New experiment data					
Абстрактные стимулы / Abstract stimulus	9,3%	10,3%	17,3%	13,7%	38%
Конкретные стимулы / Concrete stimulus	17,2%	8,8%	2,8%	3%	56,6%
Данные РАС / RAD data					
Абстрактные стимулы / Abstract stimulus	23,9%	39,2%	8,3%	6,2%	16,5%
Конкретные стимулы / Concrete stimulus	40,4%	20,2%	2%	1,6%	24,8%

Источник: составлено Ю.А. Вольской / Source: compiled by Yuliya A. Volskaya.

Итак, прежде всего, в поле к АС и КС уменьшилось число ассоциаций в форме прилагательных и число ассоциаций-частей словосочетаний. Для АС увеличилось число ассоциаций-синонимов, для КС доля синонимов практически не изменилась. Для АС и КС увеличилось число ассоциаций-потенциальных частей словосочетаний. Следующее серьезное изменение касается ассоциаций-частей фрейма, тематических групп. Количество подобных ассоциаций к АС и КС в новом опросе возросло более, чем в два раза.

В целом, реакции на АС изменились в большей степени, чем на КС. Данное положение обусловлено тем, что абстрактное имя в меньшей степени

отображает инвариантное для носителей русского языка содержание, при этом в большей степени транслирует его вариативную часть [27. С. 271], что в содержании и восприятии данной лексики индивидуальное преобладает над коллективным [28].

Итак, наблюдается следующая картина: количество ассоциаций, которые составляют со стимулом, выраженным как абстрактным, так и конкретным существительным, отношения синтагматического типа, значительно уменьшилось; в то же время количество ассоциаций-частей фрейма и тематически сходных групп, т.е. ассоциаций, которые составляют со словом-стимулом прагматические отношения, как к АС, так к КС возросло в два раза. Увеличилось количество ассоциаций, которые составляют со стимулом-абстрактным существительным парадигматические отношения.

Для того чтобы выявить, не перешла ли большая часть ассоциаций из ядра, по данным РАС, в ряды единичных ассоциаций по данным проведенного опроса, мы взяли полный ассоциативный ряд к рассматриваемым в этом исследовании словам-стимулам из РАС и из проведенного опроса, далее извлекли ассоциации различных типов. Данную часть исследования продемонстрируем на примере анализа ассоциаций-прилагательных. Количество единичных и сильных ассоциаций к АС и КС по данным РАС и по данным проведенного эксперимента зафиксированы в (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Количественная характеристика всех ассоциаций-прилагательных из РАС и из нового эксперимента / Quantitative characteristics of all association-adjectives from the RAD and from the new experiment

	Абстрактные существительные / Abstract nouns		Конкретные существительные / Concrete nouns	
	РАС / RAD	новый эксперимент / new experiment	РАС / RAD	новый эксперимент / new experiment
Всего ассоциаций-прилагательных / Total number of adjective associations	551	234	603	329
Сильные ассоциации-прилагательные / Strong associations-adjectives	16	0	29	3
Единичные ассоциации-прилагательные / Singular association adjectives	432	232	403	226

Источник: составлено Ю.А. Вольской / Source: compiled by Yuliya A. Volskaya.

По данным проведенного опроса, ассоциации-прилагательные к абстрактным существительным почти в 100 % случаев оказались единичными реакциями, по данным РАС, единичные ассоциации-прилагательные составляют 78 % от общего количества всех ассоциаций-прилагательных к АС. Соотношение единичных ассоциаций-прилагательных к КС в РАС и в нашем эксперименте остается примерно одинаковым: по данным РАС, такие ассоциации составляют 67 %; по данным опроса — 69 %. Соотношение между количеством всех ассоциаций-прилагательных и единичных к АС и КС по данным нашего эксперимента не отличается от соотношения по данным РАС.

Если сравнивать именно характер отличий между ассоциациями к АС и КС по данным РАС с ассоциациями к АС и КС по данным нашего опроса, то выявляется аналогичная тенденция. Так, ассоциации-прилагательные почти в два раза чаще приводятся к конкретным существительным и в РАС, и в проведенном эксперименте. Сохраняется соотношение и между ассоциациями-частями фрейма, тематической группы, ассоциациями-антонимами, синонимами, гипонимами/гиперонимами и потенциальными частями словосочетаний: ассоциации-части тематической группы, фрейма и ассоциации-гипонимы/гиперонимы чаще встречаются в ассоциативном поле к КС; ассоциации-синонимы и антонимы, потенциальные части словосочетаний, напротив, чаще приводятся к АС. Вторичные ассоциации к частям словосочетаний встречаются в одинаковом количестве к АС и КС и в нашем эксперименте, и в РАС.

Теперь отметим основные отличия. Во-первых, ассоциации-части словосочетаний и устойчивых выражений в словаре Ю.Н. Караулова приводятся чаще к АС, к КС — приблизительно в два раза реже. В проведенном эксперименте ассоциаты данной группы почти в равном количестве приводятся и к АС и к КС: к АС — 10 % от общего количества всех ассоциаций, к КС — 9 %. Во-вторых, ассоциации-оценочные суждения в РАС чаще приводились к АС, в нашем эксперименте ассоциации из этой группы вовсе не приводились к АС. В-третьих, реакции-фонетически схожие слова в РАС приводились только к КС, в нашем эксперименте только к АС.

Далее рассмотрим ассоциации, которые были выявлены в ходе нашего эксперимента и зафиксированы в РАС. Данные единицы составляют устойчивые ассоциативные поля, которые не поменялись за последние 30 лет. Повторяющиеся ассоциаты были обнаружены в ассоциативных рядах к 47 стимулам-абстрактным существительным. Приведем несколько примеров. К стимулу *фантазия* выявлены следующие повторяющиеся реакции: *мечта, воображение, мечты, космос*. **Религия:** *вера, христианство, бог, опиум, церковь*. **Время:** *часы, деньги*. **Отчаяние:** *безысходность, грусть, безвыходность, разочарование, страх*. **Любовь:** *счастье, и голуби*. К единицам *гордость, счастье и мечта* не было обнаружено ни одной повторяющейся ассоциации.

Всего обнаружено 149 повторяющихся ассоциатов, из них 8 относятся к сильным реакциям: ассоциация *мечта* к стимулу *фантазия*; ассоциация *слова* к стимулу *свобода*; ассоциация *интерес* к стимулу *любопытство*; ассоциация *старость* к стимулу *молодость*, ассоциация *жизни* к стимулу *образ*; ассоциация *вера* к стимулу *религия*; ассоциация *надежда* к стимулу *вера*; ассоциация *будущее* к стимулу *перспектива*.

Большая часть повторяющихся ассоциаций — это ассоциации, которые в рамках настоящего эксперимента входят в ассоциативное ядро, при этом, как правило, эти реакции в РАС были чаще всего частью периферии, т.е. мы наблюдаем определенные изменения внутри языковой картины носителя русского языка, причем эти изменения происходят достаточно плавно. Примечательно, что в ядро ассоциативного поля вошли именно те единицы, которые уже стали появляться в сознании некоторых носителей русского языка в конце 1980-х годов. Почти все повторы реакций входят в первую десятку слов из ассоциативного поля в новом эксперименте.

Из повторяющихся ассоциаций 43 относятся к ассоциациям-частям тематической группы; 42 реакции являются синонимами к словам-стимулам; 27 ассоциаций относятся к группе ассоциаций-словосочетаний, устойчивых словосочетаний; 23 ассоциации являются потенциальными частями словосочетаний; 8 реакций выражены именем прилагательным; 4 ассоциации являются антонимами к словам-стимулам; 2 ассоциации имеют со словом стимулом родо-видовую связь. Таким образом, прагматическая связь и парадигматическая связь, выраженная синонимичными отношениями, остаются самыми устойчивыми.

Далее рассмотрим повторяющиеся реакции на стимулы-конкретные существительные. Такие ассоциации были обнаружены в поле ко всем конкретным субстантивам. Всего выявлено 216 повторяющихся реакций, из них 8 реакций являются сильными ассоциациями: ассоциация *дорога* к стимулу *шоссе*; ассоциация *белая* к стимулу *рубашка*; ассоциация *молоко* к стимулу *корова*; ассоциация *машина* к стимулу *руль*; ассоциация *дом* к стимулу *квартира*; ассоциация *вода* к стимулу *бассейн*; ассоциация *самолет* к стимулу *вертолет*; ассоциация *жареная* к стимулу *картошка*. Как и ассоциации к АС, ассоциации к КС из периферии по данным РАС переходят в ассоциативное ядро по данным нового эксперимента. Приведем некоторые примеры. **Чашка:** чай, чая, кофе, блюдце, фарфоровая, разбилась. **Изба:** бабы яги, деревня, на курьих ножках, дом, деревянная, печь, дерево. **Медведь:** белый, бурый, берлога, косолапый, зверь, большой. **Меч:** острый, кладенец, щит, длинный. **Гриб:** мухомор, лес, подосиновик, белый, поганка.

Самые часто встречающиеся повторные реакции к КС — это ассоциации из группы «Тематически сходные слова», части фрейма (91 ассоциация), при этом преобладают именно лексемы, составляющие со словом-стимулом фреймовую ситуацию. Также было выявлено 60 ассоциаций-прилагательных,

28 ассоциаций, входящих со словом стимулом в родо-видовые отношения; 26 ассоциаций-частей словосочетаний, устойчивых выражений; 9 ассоциаций-синонимов к стимулу, 2 ассоциации, которые являются антонимами к слову-стимулу.

Как и у абстрактных существительных, прагматическая связь ассоциаций с конкретными существительными остается самой устойчивой. Однако, в отличие от абстрактных единиц, более устойчивой является синтагматическая связь, а не парадигматическая.

Полученные данные в ходе анализа повторяющихся ассоциаций иллюстрируют, что восприятие конкретных субстантивов связано в большей степени с актуализацией визуальных характеристик. Это обусловлено тем, что наиболее устойчивыми ассоциациями на конкретные стимулы оказались ассоциации-прилагательные и ассоциации-части фрейма. Восприятие абстрактных слов, как правило, связано с актуализацией лингвистических и контекстуальных ресурсов, именно поэтому устойчивыми оказались ассоциации из схожей тематической группы со словом-стимулом, а также ассоциации-синонимы. К подобным выводам об особенностях восприятия абстрактных слов пришли и в исследованиях, методология которых строилась на основе нейровизуализации [29; 30].

Примечательно, что при общем уменьшении в новом эксперименте количества реакций, выраженных прилагательными, именно данный тип ассоциаций возникает часто в сознании носителя языка при восприятии конкретных существительных-стимулов, при этом подобные реакции остаются актуальными на протяжении примерно 30 лет. Это свидетельствует о том, что конкретные лексемы вызывают устойчивые образы. Данные выводы коррелируют с положением теории двойного кодирования о том, что конкретные слова имеют прямую связь с реальными референтами [13].

Заключение

Проведенный ассоциативный эксперимент демонстрирует, что, во-первых, изменились сами реакции (это являлось вполне ожидаемым, поскольку с конца 1980-х годов серьезно изменились социальные и культурные установки в обществе). Во-вторых, изменилось не только семантическое наполнение ассоциаций, изменился сам тип ассоциаций, т.е. трансформировался характер связи между ассоциатом и словом-стимулом. Уменьшилось количество ассоциаций, которые связаны со стимулами синтагматической связью, возросло количество ассоциаций, которые составляют со стимулом-абстрактным существительным парадигматическую связь, а также возросло количество ассоциаций с прагматической связью как по отношению к абстрактным, так и по отношению к конкретным единицам. Эти данные указывают не только на произошедшие внешние изменения в социуме, которые могли повлиять на развитие новой языковой картины, что, в свою очередь,

привело к возникновению ассоциаций с иным семантическим наполнением, но и на структурные трансформации, которые могли произойти в системе ментального лексикона носителей русского языка.

При том, что в ходе анализа были выявлены значительные расхождения между характером ассоциаций в двух экспериментах, мы можем наблюдать сохранность общей тенденции в разнице между ассоциациями к абстрактным и конкретным существительным, что также подтверждает теорию доступности контекста и указывает на то, что особенности восприятия абстрактных и конкретных субстантивов остаются устойчивыми и неизменными. Однако факт того, что в ассоциативном поле, которое было выявлено в ходе проведенного эксперимента, наблюдаются как семантические, так и структурные изменения, говорит о важности создания нового нерегионального ассоциативного тезауруса русского языка.

Библиографический список

1. *Solovyev V.D., Vol'skaya Y.A., Akhtiamov R.B.* Range of associations to Russian Abstract and concrete nouns // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2023. № 9(1). P. 153–173. <http://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-1-0>
2. *Chen S.X., Benet-Martínez V., Ng, J. C.K.* Does language affect personality perception? A functional approach to testing the Whorfian hypothesis // *Journal of Personality*. 2014. № 82(2). P. 130–143. <http://doi.org/10.1111/jopy.12040>
3. *Lupyan G., Abdel Rahman R., Boroditsky L., Clark A.* Effects of language on visual perception // *Trends in Cognitive Sciences*. 2020. № 24(11). P. 930–944. <http://doi.org/10.1016/j.tics.2020.08.005>
4. *Planchuelo C., Buades-Sitjar F., Hinojo J.A., Duñabeitia J.A.* The nature of word associations in sentence contexts // *Experimental Psychology*. 2022. № 69(2). P. 104–110. <http://doi.org/10.1027/1618-3169/a00054>
5. *Залевская А.А.* Ментальный лексикон: конструкт, метафора или миф? // *GISAP: Philological Sciences*. 2015. № 8. С. 42–44. <http://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.919>
6. *Потанина Ю.Д., Подлесская В.И., Федорова О.В.* Вербальная рабочая память и лексико-грамматические сигналы речевых затруднений: данные русского мультимодального корпуса // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2016*. М., 2016. С. 566–577.
7. *Овчинникова И.Г.* Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 2. С. 84–98. <http://doi.org/10.30982/2077-5911-2-84-98>
8. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистические исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.
9. *Crutch S.J., Warrington E.K.* Abstract and concrete concepts have structurally different representational frameworks // *Brain*. 2005. № 128(3). P. 615–627. <http://doi.org/10.1093/brain/awh349>
10. *Crutch S.J., Jackson E.C.* Contrasting graded effects of semantic similarity and association across the concreteness spectrum // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2011. № 64(7). P. 1388–1408. <http://doi.org/10.1080/17470218.2010.543285>
11. *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь. М., 1994.
12. *Solovyev V.D., Vol'skaya Y.A., Andreeva M.I., Zaikin A.A.* Russian dictionary with concreteness/Abstractness indices // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. № 26(2). P. 515–549. <http://doi.org/10.22363/2687-0088-29475>

13. *Paivio A.* Mental representations: A dual coding approach. New York: Oxford University Press, 1986.
14. *Schwaneflugel P.J., Akin C., Luh W.-M.* Context availability and the recall of Abstract and concrete words. *Memory & Cognition*. 1992. № 20. P. 96–104. <http://doi.org/10.3758/bf03208259>
15. *Solovyev V.* Concreteness/Abstractness Concept: State of the Art // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2021. № 1358. P. 275–283. http://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_33
16. *Kent G.H., Rosanoff A.J.* A Study of Association in Insanity // *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. 1910. № 7(25). P. 695–696.
17. *Russell W.A., Jenkins J.J.* The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff Word Association Test // *Technical Report*. 1954. № 11.
18. *De Deyne S., Navarro D.J., Perfors A., Brysbaert M., Storms G.* The “Small World of Words” English word association norms for over 12,000 cue words // *Behavior Research Methods*. 2019. № 51(3). P. 987–1006. <http://doi.org/10.3758/s13428-018-1115-7>
19. *Kiss G.R., Armstrong C., Milroy R., Piper J.* An associative thesaurus of English and its computer analysis // *The computer and literary studies*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1972. pp. 153–165.
20. *Леонтьев А.А.* Словарь ассоциативных норм русского языка М: Издательство Московского государственного университета, 1977.
21. *Уфимцева Н.В.* (ред.) Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2004.
22. *Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. В 2-х т. М.: Институт Языкознания РАН, 2014.
23. *Тарасов Е.Ф., Дронов В.В., Ощепкова Е.С.* Учебный ассоциативный словарь русского языка. СПб.: Златоуст, 2017.
24. *Borghi A.M., Binkofski F., Castelfranchi C., Cimatti F., Scorolli C., Tummolini L.* The challenge of Abstract concepts // *Psychological Bulletin*. 2017. № 143. P. 263–292. <http://doi.org/10.1037/bul0000089>
25. *Lakoff G.* Mapping the brain’s metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason // *Frontiers in human neuroscience*. 2014. № 8. P. 1–14. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00958>
26. *Boot I., Pecher D.* Representation of categories: Metaphorical use of the container schema // *Experimental psychology*. 2011. № 58(2). P. 162–169. <http://doi.org/10.1027/1618-3169/a000082>
27. *Акай О.М.* Феномен абстрактного существительного // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 5(61). С. 269–273.
28. *Myachykov A., Fischer M.H.* A hierarchical view of Abstractness: grounded, embodied, and situated aspects // *Physics of Life Reviews*. 2019. № 29. P. 161–163. <https://doi.org/10.1016/j.plrev.2019.04.005>
29. *Cousins Kathryn A.Q., Ash Sh., Irwin D.J., Grossman M.* Dissociable substrates underlie the production of Abstract and concrete nouns // *Brain and Language*. 2017. № 165. P. 45–54. <http://doi.org/10.1016/j.bandl.2016.11.003>
30. *Pulvermuller F.* How neurons make meaning: Brain mechanisms for embodied and Abstract-symbolic semantics // *Trends in Cognitive Sciences*. 2013. № 17. P. 458–470. <http://doi.org/10.1016/j.tics.2013.06.004>

References

1. Solovyev, V.D., Vol’skaya, Y.A. & Akhtiamov, R.B. (2023). Range of associations to Russian Abstract and concrete nouns. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 9(1), 153–173. <http://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-1-0>
2. Chen, S.X., Benet-Martínez, V. & Ng, J.C.K. (2014). Does language affect personality perception? A functional approach to testing the Whorfian hypothesis, *Journal of Personality*, 82(2), 130–143.

3. Lupyán, G., Abdel Rahman, R., Boroditsky, L. & Clark, A. (2020). Effects of language on visual perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 24(11), 930–944. <http://doi.org/10.1016/j.tics.2020.08.005>
4. Planchuelo, C., Buades-Sitjar, F., Hinojosa, J.A. & Duñabeitia, J.A. (2022). The nature of word associations in sentence contexts. *Experimental Psychology*, 69(2), 104–110. <http://doi.org/10.1027/1618-3169/a00054>
5. Zalevskaya, A.A. (2015). Mental lexicon: construct, metaphor or myth? *GISAP: Philological Sciences*, 8, 42–44. <http://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.919> (In Russ.).
6. Potanina, Yu.D., Podlesskaya, V.I. & Fedorova, O.V. (2016). Verbal working memory and lexicogrammatical signals of speech difficulties: data from the Russian multimodal corpus. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii Dialog-2016* [Computer linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the international conference “Dialogue 2016”]. Moscow. (In Russ.).
7. Ovchinnikova, I.G. (2018). Syntagmatic failures in the Russian language: interpretation in the light of current models of the mental lexicon. *Journal of Psycholinguistics*, 2, 84–98. <http://doi.org/10.30982/2077-5911-2-84-98> (In Russ.).
8. Zalevskaya, A.A. (1990). *Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskie issledovaniya* [The word in the human lexicon: psycholinguistic research]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. (In Russ.).
9. Crutch, S.J. & Warrington, E.K. (2005). Abstract and concrete concepts have structurally different representational frameworks. *Brain*, 128(3), 615–627. <http://doi.org/10.1093/brain/awh349>
10. Crutch, S.J. & Jackson, E.C. (2011). Contrasting graded effects of semantic similarity and association across the concreteness spectrum. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 64(7), 1388–1408. <http://doi.org/10.1080/17470218.2010.543285>
11. Karaulov, Yu.N., Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1994). *Russian associative dictionary*. Moscow. (In Russ.).
12. Solovyev, V.D., Volskaya, Y.A., Andreeva, M.I. & Zaikin, A.A. (2022). Russian dictionary with concreteness / Abstractness indices. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2), 515–549. <http://doi.org/10.22363/2687-0088-29475>
13. Paivio, A. (1986). *Mental representations: A dual coding approach*. New York: Oxford University Press.
14. Schwanenflugel, P.J., Akin, C. & Luh, W.-M. (1992). Context availability and the recall of Abstract and concrete words. *Memory & Cognition*, 20, 96–104. <http://doi.org/10.3758/bf03208259>
15. Solovyev, V. (2021). Concreteness/Abstractness Concept: State of the Art. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 1358, 275–283. http://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_33
16. Kent, G.H. & Rosanoff, A.J. (1910). A Study of Association in Insanity. *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 7(25), 695–696.
17. Russell, W.A. & Jenkins, J.J. (1954). The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff Word Association Test. *Technical Report*, 11.
18. De Deyne, S., Navarro, D.J., Perfors, A., Brysbaert, M. & Storms, G. (2019). The “Small World of Words” English word association norms for over 12,000 cue words. *Behavior Research Methods*, 51(3), 987–1006. <http://doi.org/10.3758/s13428-018-1115-7>
19. Kiss, G.R., Armstrong, C., Milroy, R. & Piper, J. (1972). An associative thesaurus of English and its computer analysis. In: *The computer and literary studies*. Edinburgh: Edinburgh University Press. pp. —165.
20. Leont'ev, A.A. (1977). *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Moscow: MSU. (In Russ.).
21. Ufimtseva, N.V. (2004). *Slavyanskii assotsiativnyi slovar': russkii, belorusskii, bolgarskii, ukrainskii* [Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow: Mosk. gos. lingvist. un-t. publ. (In Russ.).

22. Cherkasova, G.A. & Ufimtseva, N.V. (2014). *Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'-tezaurus EVRAS. V 2-kh t.* [Russian Regional Associative Dictionary-thesaurus EVRAS. In 2 volumes]. Moscow: Institute of Linguistics publ. (In Russ.).
23. Tarasov, E.F., Dronov, V.V. & Oshchepkova, E.S. (2017). *Uchebnyi assotsiativnyi slovar' russkogo yazyka* [Educational associative dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Zlatoust publ. (In Russ.).
24. Borghi, A.M., Binkofski, F., Castelfranchi, C., Cimatti, F., Scorolli, C. & Tummolini, L. (2017). The challenge of Abstract concepts. *Psychological Bulletin*, 143, 263–292. <http://doi.org/10.1037/bul0000089>
25. Lakoff, G. (2014). Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason. *Frontiers in human neuroscience*, 8, 1–14. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00958>
26. Boot, I. & Pecher, D. (2011). Representation of categories: Metaphorical use of the container schema. *Experimental psychology*, 58(2), 162–169.
27. Akaj, O.M. (2014). Abstract noun phenomenon. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 5(61), 269–273. (In Russ.).
28. Myachykov, A. & Fischer, M.H. (2019). A hierarchical view of Abstractness: grounded, embodied, and situated aspects. *Physics of Life Reviews*, 29, 161–163. <https://doi.org/10.1016/j.plev.2019.04.005>
29. Cousins Katheryn, A.Q., Ash, Sh., Irwin, D.J. & Grossman, M. (2017). Dissociable substrates underlie the production of Abstract and concrete nouns. *Brain and Language*, 165, 45–54. <http://doi.org/10.1016/j.bandl.2016.11.003>
30. Pulvermüller, F. (2013). How neurons make meaning: Brain mechanisms for embodied and Abstract-symbolic semantics. *Trends in Cognitive Sciences*, 17, 458–470. <http://doi.org/10.1016/j.tics.2013.06.004>

Сведения об авторе:

Вольская Юлия Александровна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) университета (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18); *сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, квантитативная лингвистика, семантика; *e-mail*: kovaleva95julia@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-5864; SPIN-код: 7085-6726; ScopusID: 57204786678.

Information about the author:

Yuliya A. Volskaya, PhD in Philology, Assistant at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: applied linguistics, quantitative linguistics, psycholinguistics, semantics; *e-mail*: kovaleva95julia@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-5864; SPIN-code: 7085-6726; ScopusID: 57204786678.